

Расшифровка интервью

Дата: 14.07.2023

00:00:49

Я Кереджи-Оглы Севилле Руштыевна. Родилась 23 февраля 1952 года. В поселке Осинов Яр. Ну тогда это был Васюганский район Томской области.

00:00:26

Где мы с вами сейчас находимся?

Мы находимся с вами в Мемориальном музее «Следственная тюрьма НКВД».

00:00:36

Где находится этот музей?

Этот музей находится в Томске. В Томске, проспект Ленина, 44, в бывшем здании тюрьмы, следственной тюрьмы НКВД.

00:00:52

А вот этот зал, с чем он связан? С какой темой?

Здесь были камеры, здесь были камеры с 1923 по 1944 год, но музей с 1989 года. Поэтому тогда, когда я пришла сюда работать, эти... Не было девять камер, они были разгорожены. Поэтому шесть всего лишь находилось. Плюс наш кабинет, это последний зал, где сейчас находится коммунальная квартира, советский период.

00:01:36

А вот этот зал, что здесь такое представлено, что здесь могут смотреть?

А, сейчас?

00:01:45

Да.

Я всегда, когда захожу сюда, говорю: «Здесь очень много информации». Во-первых, все эти, естественно, предметы, экспонаты, и каждый за собой таит свою историю. И порой спрашивают, что — я рассказываю. Дальше вот, видите, паспорта лошадей. Отчет, вот этот альбом «Советский Нарым» — это отчет НКВД туда наверх, в Москву, о том, как здесь развивалась жизнь и как осваивалась Сибирь. Но всё это приукрашено здесь. На самом деле всё было совершенно не так. И когда здесь отчитываются, как радовались люди, как хорошо они жили, мы знаем совсем другую жизнь. Дальше остров Назинский, или, как мы его называем, остров смерти. Своя история, страшная история. Далее чаинское восстание, или это голодный бунт кулаков, которые понимали, что у них будет голодный год и что они так же будут умирать, как и... Хотя это 1931 год, да? И это будет массовая гибель людей вместе с детьми. И это здесь. Нормы, что получал человек, как работали, как выживали. Поэтому история вот в этой камере очень богата.

00:03:17

Как ваша семья оказалась на этом пространстве сибирском?

14 июня 1949 года мою семью, то есть папу, маму, бабушку, и у меня был старший брат, депортировали из Грузии — это Махарадзевский район, станция Сукса — и депортировали сюда, в Сибирь. Теперь это Каргасокский район, это река Васюган. И в стойбище, [нрзб] стойбище Килеват, но там уже жили кулаки, там уже жили прибалты. То есть те, которые в 1941 году прибалты были отправлены в депортацию, первые они были, они уже жили в Килевате тоже. Там был лесозаготовительный участок. Вот мы туда и попали.

00:04:18

Могли бы вы представить фамилии, имя, отчества тех, кто был депортирован?

В семье?

00:04:25

Вот всю семью, кто едет из Грузии, из этого села, сюда?

Значит, бабушка. Это мать моего отца, Кереджи-Оглы Хурия Хасановна, она 1901 года рождения. Папа Рушта Сеидович, 1923 года рождения. И Какеджи Мамедовна, моя мама, 1929 года рождения. И у них был сын, рожденный в 1947... В 1948 году. И вот все они были и как раз отправлены именно 14 июня 1949 года из Грузии.

00:05:11

Это была какая-то массовая депортация или только одну семью выслали?

Нет, это была массовая депортация. Мамины родные, мама вообще жила до замужества в Абхазии. Поэтому ее мама и ее братья и сестры были также депортированы из Абхазии тоже 14 июня 1949 года из города Очамчира. У моей бабушки Айши, Айша Мустафовна, было шестеро детей. Ее муж оставил, когда у нее было четверо, в том числе моя мама, она за вторым мужем родила еще двоих. И самой младшей было три года, когда их также отправили все в тот же Каргасокский район. Только мы жили в разных поселках. А встретились они в Томске, где их пересаживали с этих скотских вагонов на баржи. Там они встретились. Но уже старшая сестра мамина, она тоже была замужем. И у нее было двое детей оттуда, из Абхазии. Вместе с мужем, вместе со свекром они также были отправлены сюда. Ну и другие родственники. То есть у мамы брат был женат на абхазке. И она была замужем за Узун-Оглы Шевкетом Юсуповичем, который вернулся с фронта с наградами и также был депортирован. Несмотря на то, что был участником войны. Кстати, в нашей родне и по папиной стороне тоже есть фотографии даже, где видно медаль на груди. Но это не помешало депортировать. Еще там они не знали о том, что будет депортация. Уже 29 мая 1949 года сюда пришел приказ о расселении турков по районам Томской области, куда сколько отправить. И мы конкретно... Уже в документах было найдено, куда отправить нашу семью. «Социально опасный элемент». Вот с такой формулировкой отправлялись в депортацию грузины, абхазы, мегрелы, лазы, турки, турецк[ие] подданные. То есть мои родители вообще лазы. Это, как мама говорит... Но вообще-то, онечно, это интернет говорит: с них и пошли грузины. Государство Лазика — это где-то V век. И когда Турция завоевывала ее, стала навязывать свою религию, ислам. У меня в родне с папиной стороны православная вера, христианская, с маминной — мусульмане. Национальность одна и та же — лазы. Ну вот поэтому, как турецк[ие] подданные, видимо, мы и были отправлены. Ведь войны в Грузии не было. И фашистов не было.

00:08:34

То есть социальная опасность каким образом выявлялась государством?

Ну, национальный признак. Национальный признак. Вот в базе данных, если вы откроете, там есть, что я репрессирована по национальному признаку. Где-то есть в документах именно СОЭ — «социально опасный элемент». Ну а так как мои родители по этой категории отправлялись, дети, рожденные под комендатурой, автоматически становились врагами народа с тем обвинением, что было у родителей. И вот мы, приехав сюда, в 1950-м у меня родился брат, враг народа. Затем я, младшая сестра Лейла, и мы все были враги народа.

00:09:29

Что это был за поселок? Как вы его помните?

Я поселок Килеват не помню вообще, потому что я родилась в Осиновом Яру. Осинов Яр был основан в 1950 году. То есть вот тот лесозаготовительный участок уже закрыли и всех репрессированных перевели на новое место. И также был освоен новый поселок, новый лесочасток. И мы жили там до 1957 года. В июне 1957-го мы уехали в Грузию. Я помню, конечно, я помню пекарню. Если папа в Килевате работал на валке леса, вот в лесу вместе с мамой. А он был глухой. Папа у нас был глухой. И когда его отправили туда на лесозаготовки, естественно, мама очень боялась, потому что он не слышал звук падающего дерева. И, естественно, мог быть убит. Такая смертность настигала людей, не знающих, где упадет это дерево, что такое валка. И тогда, так скажем, категория, турки, турков погибало много. И уже вечером деревня знала, услышав все эти причитания, кого-то опять из турков задавило лесиной, деревом. И помню школу и те бараки, в которых мы жили. Шестиквартирный барак. Ну, я не знаю, наверное, квадратов девять была наша комнатка. Мы жили пятеро: бабушка, трое детей... Трое детей — шесть, значит — и мама с папой. Ко всему, двери нашего дома всегда были открыты для всех. У нас всегда останавливались начальство. Приезжали. Уже тогда было отделение ОРСа — отдел рабочего снабжения. Поэтому они останавливались у нас. Все спали на полу. Все, вплоть до ящика. Я помню этот стойкий запах, конный запах. Потому

что их тулупы, они были пропахшие конным потом и навозом, и поэтому такой терпкий запах некоторое время стоял в доме. Ну, и я помню и кладбище, и вообще, и клуб, что где находилось. Наш барак стоял буквально... За огородом начиналось уже болото. И я помню, что мама несет полное ведро ягоды. Ну, многое помню, как в лесу... Знаете, ну, видимо, тогда такой был стресс сосланных сюда, что бабушка жила в изоляции... Ну, не наша бабушка, чужая. Она помешалась, буйное помешательство у нее было, поэтому ей домик в лесу поставили, и она всё время шила кукол. Нарисует их из тряпочек этим химическим карандашом. И забор был не современный, так скажем, а горбыль. Знаете, вот этот забор. И она наставит этих кукол. Мы каждый день туда бегали и брали. Утром приходим, и уже опять новые куклы. Это были наши первые игрушки. Вот это я тоже помню.

00:13:03

А до депортации по профессии чем занимался отец и чем занималась мама?

Ну, у отца в Грузии была своя пекарня. То есть у них был двухэтажный дом, внизу была пекарня, а на втором этаже жили они. Отец хоть и закончил 10 классов, но у него всегда были проблемы со слухом. Он и на фронт не попал поэтому. Поэтому дальше он ничего не закончил. А семья была, знаете, видимо, купеческая. Потому что, когда мы приехали в Грузию в 2017 году, мы ездили в это село, хотя и раньше мы там были. И родственники говорят, что стояла плита с указанием фамилии наших прадедов. И у них были и магазины, торговые склады и пекарни. И вот потом вот так отец этим и занимался, содержал свою семью. Видимо, жили зажиточно. Я помню, у мамы были часы золотые из Турции с бриллиантовыми камнями, ей отец подарил на свадьбу. Были кольца, были сережки золотые и так далее. То есть семья была достаточно богата. Поэтому ее и выдали за него замуж. Бабушка Айша, имея шестерых, ей было тяжело их поднимать, она надеялась, что папа поможет ей. Ну, так оно и было.

00:14:36

А мама получила какое-нибудь образование?

Нет, мама закончила всего пять классов в Абхазии. На русском языке она говорила, но ни читать, ни писать не умела. А папа вообще не говорил на русском.

00:14:52

То есть в семье говорили на грузинском?

Вы знаете, до 1957-го мы говорили на лазском языке, по-лазски. И бабушка была с нами. А после того как мы в 1958 году вернулись из Грузии, мы почему-то стали по-грузински говорить. И мы знали и лазский язык, и грузинский, ну и потом русский, естественно.

00:15:18

Для вас какой язык родной? То есть вы свободно думаете на каком языке?

На русском. Конечно, я уже не помню ни лазский язык, ни грузинский язык. И свободно общаться не могу ни я, ни моя сестра. Мы говорим чисто по-русски, без акцента.

00:15:38

Возвращаемся к тому поселку, где оказались родители и где вы родились. Вот в этом поселке, что за состав жителей, кто там живет, как устроена жизнь?

У нас за стенкой жили русские, дальше украинцы. И напротив барак был, там были прибалты: латыши, литовцы, эстонцы. Я до сих пор общаюсь с женщиной... Вот наш барак стоял, наискосок вот так вот второй барак стоял. Она была депортирована из Эстонии. Раиса Михайловна ее по-русски, а вообще Рэет Хылпус. И я помню, что мама всегда: Хылпусиха, Хылпусиха. То есть это были подруги. И с ее дочерью у нас разница в возрасте 16 лет, но мы до сих пор с ней общаемся. Поэтому люди разных национальностей там жили. И евреи были, и немцы в моем роду, вот немка в родне теперь есть. Кого угодно там можно было встретить.

00:16:46

Это немцы волжские или немцы немцы? Это российские немцы?

Нет. Это были немцы и вот Поволжья, 1941 года, а еще были немцы. Это наш близкий друг семьи, Иван Иванович Бауэр. Он был сослан, раскулачен из Алтайского края. Подсосново село. И попал именно туда тоже на Васюган. Его отец был расстрелян в 1937 году. И когда началась Великая Отечественная война, они жили в Средневасюганской комендатуре, его отправили еще дальше на север, в Нововасюганскую комендатуру. Вот он знал нас с детства. К нам

заезжал Бауэр Иван Иванович и Василенко, украинец. И Лещенко тоже. И даже Овчаров Петр Самсонович, он был тогда воен... Не военрук. Ну, то есть работал в военкомате. Военком, да? Военком. Вот он тоже к нам заезжал. Знаю всегда, что был и судья. Также Оксиненко Иван Иванович. Я их помню. Но теперь уже их, к сожалению, никого нет. Но даже приезжая сюда в 2009 году, я звонила этому Оксиненко, мне нужно было найти человека. Мы не успели с ним встретиться, он умер. Он сказал: «Света, я сейчас болею, приедешь в следующий раз, приходи ко мне. Я тебе расскажу. Теперь я тебе всё расскажу». Но я приехала, а он уже умер.

00:18:43

Кроме ссыльных, кто там еще находится?

Кроме?

00:18:48

Ссыльных. Кроме ссыльных.

Ой. Я не знаю. Я тогда знала только ссыльных. Потому что те новые поселки, которые были основаны, там не было коренных. Там были именно все ссыльные. Приехали по оргнабору из Белоруссии, это были уже где-то середина 1950-х. Они приезжали на заработки сюда, в леспромхоз. Оргнабор — ну, просто приглашали на заработки сюда, в Сибирь. Обещали им хорошие деньги. Ну, действительно, в леспромхозе тогда деньги платили хорошие. Это в колхозах. Вот мамина мама попала в колхоз. Это была «Красноярка», «Муромка». Беднейшие колхозы. Вот у Макшеева всё это описано. И поэтому вот та мамина сестра, которой было три года, и уже, она говорит, мы бегали на колхозные поля, воровали горох, потому что есть было нечего. И сторож поймал, ну, пожалел этих турчат. Отпустил, сказал: «Больше чтоб вы сюда не приходили». А голод всё равно заставлял идти. Вот именно на преступления, на воровство. Ходили, воровали вот на эти колхозные поля. Где-то капусту, где-то турнепс сажали тогда в колхозах для скота. Вот это тоже воровали, чтобы как-то выжить. Это уже потом папа добился разрешения перевести их в наш поселок. А еще тогда говорили, что севернее можно родственникам переехать. Еще дальше на север, да? А вот как бы цивилизация, ближе сюда, ну, допустим, в то же Колпашево, нам нельзя было, а им туда можно было. И перевели семью моей бабушки, и мамин брат, он сейчас живет на Украине, вот он пошел в Айполовский интернат, где обучался в школе.

00:21:08

Комендатура была в самом поселке или куда-то в другое место ходили?

Нет, комендатура была в райцентре. Райцентр — это Новый Васюган. И вот нужно было каждый месяц туда ездить отмечаться в комендатуре, что мы на месте, как я говорю, не сдохли, не сбежали. Ну и о том, что родился новый враг народа. Вот поэтому мама туда каждый месяц и ездила отмечаться. Зимой на конях, летом ходили либо почтовый катер, кстати, тогда еще и «Чехов» пароход ходил. И я тоже его помню, этот «Чехов». Ну вот он доходил до Нового Васюгана. И маме приходилось там ночевать, и потом уже на другой день она возвращалась обратно домой, отметившись в комендатуре. А в поселке у нас комендатуры не было.

00:22:01

Когда закончилась потребность в поездках отмечаться?

Вот в ноябре 1956 года нас открепили от комендатуры. Но нам никто об этом не сказал. Мы не знали, никто не знал, что нас открепили от комендатуры, и мы узнали это только в 1957 году летом. Нам разрешили вдруг выехать. И мы не знали, что мы были откреплены. И даже когда мы уехали, только в документах потом, я нашла у мамы, есть эта справочка об откреплении от комендатуры. Я не знаю почему. Может быть, нужны были еще рабочие руки. Может быть, только потому, что выехать оттуда было сложно. И если бы мы все двинулись, а дороги-то не было, на лошадях далеко не уедешь. Поэтому потом, я хорошо помню, как мы уезжали. Это был июнь 1957 года. Это была самоходка. Ну и, конечно, застолье. Знаете, на улице столы и на самоходке стоит лагун с брагой. Водку не покупали, она дорого стоила, а вот бражка, которую ставили все буквально, и на всех праздниках всегда пили только вот эту бражку. И прощались, и плакали, и смеялись, и радовались, что едут на родину. Но плакали, потому что расставались с друзьями, с которыми прожили тяжелое время, которые помогали друг другу выжить, сдружились. Мы же за столом пели все эти украинские песни, и у нас был барабан, который сделан был, и танцевали лезгинку наши. А вообще, у нас в семье пели всегда. Даже мой глухой отец пел песни. Мурлыкал там что-то про себя ходил. Но как-то песни были все такие печальные. Я теперь зайду в интернет, ищу, они уже все современные, и вот тех жалобных песен я не слышу. Мама говорила, что они сочинили песни на барже. Ну так и у русских тоже

было. Сочиняли и пели протяжные такие, заунывные песни. То же самое было у нас. И вот когда укладывала спать — в Грузии был поэт Акакий Церетели, и его колыбельная песня, она такая была протяжная, жалостливая. Поэтому пели и плакали. И пели... Мама знала шесть языков кавказских. И турецкий, и грузинский, и мегрельский, и абхазский. Кроме того, еще русский знала. И вот все эти песни она пела. Ну и мы вместе с ней. У нас, я помню, что была книга, сборник стихов этого Церетели, и мы их учили наизусть. Даже была книга Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре». И мы помним эти красивые картинки цветные. Мама нас всегда учила грузинскому языку. Мы тогда умели писать и читать и всегда пели. И всю жизнь мы всегда были на сцене и пели наши грузинские песни. Ни один праздник не обходился. И мама выступала, и мы с сестрой.

00:25:40

Правильно ли я запомнила, я могу ошибаться, что, когда депортируют семью, там есть еще старший брат?

Он умер. Когда их везли на барже в 1949-м, он тогда заболел. И в Килевате он похоронен. Самый старший, Сеид.

00:26:00

Сколько ему было лет?

Год и семь месяцев.

00:26:04

Заболел — просто простудился или?..

Ну я теперь не могу сказать. Не знаю. Знаю, что заболел, умер. У нас есть одна фотография, у меня, где хоронят умершего нашего. И я так вот смотрю, вижу своих родственников, которые там находятся, и мама, и папа, и этого дядю Шефика. То есть они жили еще в Килевате. Это одна фотография только.

00:26:35

Если вас тоже возили на отметку, вдруг вы помните, как... Нет?

Нас не возили.

00:26:46

Не возили? Просто мама, просто взрослые?

Просто мама ездила.

00:26:50

Тогда возвращаемся, как вы выезжаете оттуда. Что вы берете с собой? Как вы едете?

Что мы... Ну 1957 год, еще нет, еще ничего у нас такого не было, поэтому берем просто свою одежду и всего лишь. Ничего мы туда в Грузию не увезли. И везти, в принципе, было нечего отсюда. 1957-й это не считать... Ну даже вот в 1958 году... Мы всегда говорили, что мы жили по сравнению с другими хорошо, по сравнению с русскими. Потому что достаточно богатая была семья, плюс папа работал в пекарне. Он пекарем работал потом. Вот когда мы переехали в Осинов Яр, он работал пекарем. Мама была рядом с ним. Она... ее научили делать отчеты. Она у него была как переводчик. Она получала там всю эту муку, сахар и так далее и составляла отчеты уже потом. А бабушка работала техничкой в пекарне. Но оформлена была мама. Так вот, по крайней мере были сыты. У нас была корова. И мы даже одну корову тогда отправляли в Маломуромку бабушке Айше. И тетюшка моя Заира говорит, это трехлетняя, когда мы получили наконец корову, мы поняли: ну всё, теперь мы не умрем от голода, теперь выживем. Потому что двое совсем маленьких детей было. Мама была замужем, и старшая дочь была замужем. А еще двое так подростками. Но уже работали в колхозе тоже. И поэтому хозяйство было. Ну, единственное, хозяйство... Ну чем в комнате интерьер? Это были вот кровать у родителей. Мы спали с бабушкой на кухне, топчан. Вот как нары наши. Вот на таком. И у самой младшей еще стояла люлька, просто деревянная кроватка. У нас всё сам папа делал. Вот таким образом. Ну и по очереди мы и спали с ними. Часто ночевали у соседей, потому что она жила одна, и у нее был сын. Вот мы у тети Тани и жили все вместе. Поэтому в Грузию в 1957-м мы ничего хорошего не привезли. Даже в 1958-м мы смотрим на фотографии и говорим: ой, мы так хорошо жили. А теперь смеемся, в какой одежде мы стоим. Уже снег, мы всё еще в

сандалиях на улице. И теперь эти модные штаны широкие на резинке внизу, это тогда у всех были, ситцевые, сатиновые. Шкеры называли мы их. Шкеры. Вот так вот ходили. Облезлая какая-то шубейка, фуфайка. Это у всех фуфайки были. Ну вот уже пальто у мамы зимнее было. Простое, правда, было пальто, но тем не менее зимнее, по крайней мере. А бабушки наши бегали, завернувшись... Знаете, вот такой вот платок, только он побольше размером, с кисточками, шерстяной. И вот они укутаются и бегут от дома к дому, потому что не было одежды, не было теплой одежды. Все приехали в легком оттуда, из Грузии, естественно. Калоши, чтобы ноги не замерзли, набивали сеном, бегали. А потом уже, да, и валенки появились, и [нрзб], и резиновые сапоги. Но это уже была обувь, более-менее теплая.

00:30:53

Как вас встретила Грузия?

1957 год. Дом наш конфисковали, и нам его не вернули. Мы жили у его сестры. У папы была сестра. Она не попала в депортацию. А не попала, потому что ее муж 10 лет сидел в Иркутских лагерях. Он был партийный работник, и в 1937 году его туда отправили в лагерь. И он только вернулся в 1947 году. И когда началась депортация, его предупредили друзья. И поэтому они сбежали с этого поселка и не попали в Сибирь. Мы приехали. У них был еще одноэтажный стандартный домик в Грузии, как всегда, на этих ножках. И четыре комнаты, буржуйка, печка, помню. И у нее тоже трое детей. Шесть человек из нашей стороны и пятеро — одиннадцать человек мы там и жили. И понимая, что не найдет работу, потому что отца не брали на работу, он был глухой. Инвалидность ему не давали, молодой, 36 лет. Поэтому никуда не мог устроиться. И жили на иждивении сестры. И как мужчина, он понимал: сколько я могу сидеть? И вообще, не подобает мужчине сидеть на шее у женщины. Мы вернулись обратно в 1958 году. Первым зимником мы приехали уже в Калганак. Уже мы жили в Килевате, Осинов [Яр], потом в Калганак. И тоже лесоучасток. И папу опять назначили пекарем. И мы жили там. И я помню, что мы спали все на полу, потому что ничего не было абсолютно. И постепенно наживали.

00:32:48

Когда семья выезжает в Грузию, это одно настроение. Насколько трагично семья воспринимает возвращение обратно?

Нам, конечно, детям, было непонятно, почему мы уезжаем от этого моря, от этого солнца, от изобилия фруктов и так далее. Мы же только в 1957 году всё это увидели. И вдруг мы опять возвращаемся в Сибирь. Мы не знали почему. Вот только потом уже мама сказала, что не брали отца на работу, негде было жить, поэтому мы и вернулись. Отец сказал: «Я в Сибири имел работу, я был человеком». Он был уважаемым человеком. Хлеб выпекал отменный, его многие до сих пор вспоминают, какой хлеб выпекал мой отец. У нас не было фамилии Кереджи, все звали Рушты Надя, Рушты дети. Вот так вот. И поэтому он был всегда в почете, много было всяких почетных грамот, премий и так далее и так далее. А там он не человек, он приехал, он враг народа. Поэтому мы вернулись обратно. Он говорит: «Я в Сибири чувствую себя человеком, а не на своей родине». Ну и всё, и мы вернулись обратно. Конечно, этого мы не понимали. Брат мой первый класс закончил в Грузии, а тут во второй уже пошел. У нас после Сеида был еще один брат. Мусик его звали мы. Он утонул вместе с папой в 1960 году. И вот когда он пошел в школу, мы тогда стали изучать все русский язык. И помню, как он читал [про] этого Музгарко и мы все плакали, «Зимовья на Студеной» Мамина-Сибиряка, и мама тоже вместе с ними. И мы еще до того, как пойти в школу, уже умели читать, писать. Все мы учились на отлично. И маму тоже научили читать, писать. А папа, он по губам мог понять, что мы говорим на грузинском языке. Но на русском, вот вы как разговаривали с этой женщиной, громко, громко, вот так с ним и нужно было постоянно разговаривать, рядом сидеть и кричать ему чуть ли не в ухо. То есть он женился-то, он еще не был таким глухим. Ему просто сделали операцию неудачно в Тбилиси. И он потерял слух совсем. Ходил с аппаратом, слуховым аппаратом. Но это со слуховым аппаратом он ходил, когда мы уже приехали в 1957 году в Грузию. Мы тогда ему сделали. И этот аппарат сломался. Я помню, что мы ходили на футбольный матч 1 мая. И вот когда возвращались, болельщики между собой передрались. И папа их разнимал, и ему сломали этот аппарат. А у него вот в кармане как раз эта коробочка и лежала. Мы не успели ни отремонтировать, ни купить новый. Уехали в Сибирь, и он остался опять глухим у нас. И поэтому, конечно, ему было тяжело. Но по губам он мог понимать, что мы говорим.

00:36:12

Возвращаетесь обратно в Сибирь. Как проходит дальше ваша жизнь? И еще вы упомянули, что, когда он выехал, его семья выехала, его не брали на работу, потому что «враг народа, враг народа, враг народа». При том, что уже сняли комендантский надзор. Вот этот шлейф «враг народа» как долго за вами тянется? Как он?

Хорошо. Мы вернулись, и в 1960 году папа утонул. Уже закрывали этот Калганак, этот лесоучасток. Вот выберут весь лес, сколько можно на лошадях вывезти, а дальше болота. Поэтому лес уже не валят, не вывозят. Этот участок закрывают, нас переводят в другой участок, Новый Тевриз. И мы уже одни остались. Тем более что мама четыре месяца вообще лежала, болела. У нее было буйное помешательство после гибели двоих. И всё хозяйство легло на мои плечи. Это 1960 год, мне девятый год. И корова, и овцы, и куры, и готовить, и всё это, это всё делала я сама. Когда она поправилась, она решила мне помочь принести воду с реки и поскользнулась, упала, сломала ребра, ее увезли в больницу в Каргасок. А мы остались с сестрой одни.

00:37:41

Сестра младшая?

Да, на два года она моложе меня. Мы уже ходили в школу, естественно. В поселке осталось всего несколько семей, и в школе мы учились все у одной учительницы. То есть она вела четвертый класс, третий, второй и первый. И, естественно, самостоятельно большую часть времени, и моей сестре было шесть лет, она уже пошла тоже в школу, чтобы не сидеть дома. И в 1962-м мы переехали в Тевриз. Прожили там год, решили уехать в Грузию обратно. Это был 1963 год. Мы закончили школу и 30 мая выехали до Каргаска. Втроем. Доезжаем до Каргаска, а нам не выдают паспорт. Паспорт нам не выдают: «Вы враги народа». Документов каких-то нет у нас, ничего. Поэтому нам дают временную бумажку с заключением, через шесть месяцев мы должны обратно вернуться в Сибирь, а шесть месяцев хоть куда можешь ездить в Советском Союзе. Мы приехали в Грузию, и нас опять никто не прописывает. Мы всё еще враги народа. И нас опять не прописывают, не помогают ни деньги, ни родственники. Мы купили небольшой домик уже в Кобулети, курортный город. Бабушку там поселили и решили вернуться обратно в Сибирь с надеждой, что мы уедем туда, в Грузию. Но прошел год, и второй, и никак документы не выправляются. Пишем туда, в Грузию. Какие-то нам нужны справки. Вся эта канитель тянется. Мама выходит замуж за русского. Всё. И мы остаемся в Сибири.

00:39:36

Когда вы получаете на руки, наконец, обычный документ?

Паспорт она получила, наверное, уже в конце 1960-х. Собирались они поехать в отпуск на Алтай с отчимом моим. И в Каргаске ей выдали паспорт. И они поехали на Алтай. Это был знаете какой год? 1967 год. Я училась в восьмом классе. Я помню, что они уехали в отпуск, а за это время я выбелила квартиру, убралась, прибралась, всё, значит, сделала. Даже мы до сих пор вспоминаем, что сделала какой-то шкафчик, типа с полочками. И привезли к нам тогда тонкое стекло, фужеры. И на сэкономленные деньги — они до сих пор хранятся у нас как память — я купила три вида одного, другого, третьего, фужеры. И мы всё время вспоминаем с сестрой. Мама приехала, а у нас дома такой порядок, а еще и мебель новая появилась. Вот уж смешно теперь вспоминать. Но это было действительно так. Настолько мы были самостоятельны. Я сдавала экзамены за восьмой класс, и я навела порядок, и мы держали корову, и куры у нас были. Мы никогда не держали свиней. Но и овец в Тевризе уже тоже не было. Всё это было на моих плечах. Это была норма.

00:41:05

Вот в тот период, когда маму забирают в больницу, когда она поскользнулась, упала, сломала ребра и вы остаетесь одна в девять лет, на вас сестра семи лет. Вы полностью самостоятельны? Или всё-таки есть некие взрослые, которые за вами присматривали?

Единственная бабушка, которая приходила к нам ночевать. Вот соседка, бабушка, она всегда приходила к нам ночевать. И даже когда мама была еще дома. Просто боялись одни после этого стресса. Вообще, мы же маленькие еще были. Мы видели, как их привезли. Они утонули двое и трое суток были в воде. Уже разлагающиеся. Этот запах хорошо помню. И носилки, которые стояли там около крыльца. И мы с сестрой страшно боялись. Тем более что мама, она вот просто лежит в бессознательном состоянии. Поэтому бабушка с 1960 года, с сентября, всегда ночевала к нам приходила. Днем уходила домой, у нее были свои дети, хозяйство, внуки. А вечером приходила к нам. И поэтому она с нами переночует, уходит, и я иду доить корову. Я говорю тете Маше соседке, говорю: «Тетя Маша, у моей коровы почему-то молока нет». Она приходит и говорит: «Ты просто неправильно доишь». И показала, как доить ее нужно. Вот таким образом. Поэтому уже во втором классе я доила корову, я варила борщ и так далее.

00:42:35

В 1967 году, когда мама выходит замуж за русского, у этого человека есть уже в бэкграунде история репрессий? Или он случайно оказался с ней?

Он приехал в Тевриз. Просто переехал из одного поселка в другой. Работал в леспромхозе. Мы когда в 1963 году вернулись обратно, мы четыре месяца прожили в Грузии в 1963-м и вернулись осенью обратно сюда. Вы знаете, в 1963 году мне уже было 12 лет. Мы приехали туда. У тетки уже двухэтажный дом. И залезаю туда на чердак, и у нее стоит там радиоприемничек. И я ищу песню: «Сибирь, Сибирь, люблю твои края». Я заливаюсь слезами. Мы хотим домой. Нам не нужно фруктов. Мы черемуху хотим именно. Потому что всё время детство, лакомство — это черемуха. Поэтому мы хотим домой. Мы приехали глубокой осенью. Темно на улице. И Тевриз — это высокий берег, а там глина, не песок. И мы не можем даже туда подняться. Сползаем снова и опять поднимаемся. Знаете, фильм есть «Хождение за три моря», по крайней мере раньше был, это Афанасий Никитин, который уходил купец в Индию на три года. И приезжает, и он буквально падает на землю и целует ее. Вот так практически и было, когда мы туда приехали. Мы были так рады, что мы вернулись в Сибирь. Нам эта Грузия в 12 лет уже была не нужна. Я хочу в Сибирь. В 1957 мы не понимали. А уже в 1963 я знала, что такое родина. И мне совершенно чужда была та страна. Я домой в Сибирь.

00:44:34

Вы получаете когда паспорт, в каком году?

Мама в 1967-м получила, а я... В 16 лет нам давали паспорт, наверное. Ну вот.

00:44:47

Там есть еще в это время графа «Национальность».

Да.

00:44:50

Что вам пишут?

Отец лаз. Лазы. Мать лазка. И точно так же я.

00:44:58

У вас в национальности написано лазка?

Да.

00:45:05

Вы идентифицируете себя в то время как грузинку или вы стали советским таким человеком? Как это было для вас?

Знаете, вот тогда, действительно, мы еще как бы грузины. То есть да, нерусские. Потому что, если сейчас видно, что я нерусская, тогда, представляете, огромные косы, огромные глаза, смуглость эта. Всегда такие яркие были, броские. Сестра у меня чуть посветлее меня. И тем более. Кстати, почему мы забыли свой язык, потому что отчим русский, он запретил нам говорить по-грузински дома: «Я откуда знаю, что вы говорите между собой, может, вы обсуждаете меня». Вот. Единственное, что это мы пели на концертах на все праздники буквально на грузинском языке. Ну а потом уехала я в 1968 году сначала в интернат, потом в Колпашево, педучилище заканчивала — и всё, и это уже была самостоятельно. Как только в 14 ты из дома уехал в интернат, всё, ты уже самостоятельный человек. Приезжали только на каникулы, с мамой что-то пообщались — и опять туда. И всё, и постепенно забыли этот язык. И когда я в школе работала учителем, 20 лет у меня учительского стажа, я всегда детям говорила «мы, русские», и никто никогда не смеялся. А там были все нерусские тоже. Никто никогда не смеялся, потому что действительно мы русские, мы выросли здесь. Вы знаете, не к месту будет сказано, может, вы вырежете потом. И сейчас, когда мне братья в связи с Украиной: «Приезжайте к нам», — я говорю: «Не, у меня Россия, Сибирь — родина, а не Грузия». Россия — родина моя, поэтому я живу здесь. Я никуда не хочу, никуда уезжать, ни в Абхазию, ни в Грузию. Мы туда ездим только в отпуск. Я считаю себя русской.

00:47:18

Мама похоронена в Сибири?

Да. Ну, это уже другой поселок, Мыльджино. Вот последние годы я прожила в Мыльджино, и папа, и мама, все похоронены у нас здесь. Ну, только бабушки там.

00:47:34

Вы были комсомолкой?

Да, конечно. Я патриотка. Я была и октябренком. Я всегда была активисткой. Мы с сестрой всегда учились на отлично. В школе [была] октябренком, пионером, комсомолкой. Я, единственное, не вступила в партию. Я сказала: «В партию я не пойду». Хотя меня приглашали неоднократно. Это уже были и 1990-е, конец, и в 1990-х годах приглашали. Я сказала нет. Почему я отказалась поступать в партию? Ну, может быть, я уже стала понимать более осмысленно и трезво, что такое депортация и что с нами произошло. Потом в партии, в Сибири, в леспромхозе вообще очень много пьющих мужиков. И я как-то имела неосторожность секретарю сказать: «А кто у тебя в партии-то? Твои алкаши и другие, ведущие антиморальный облик жизни». Поэтому я отказалась. Сказала, ни за что в партию. Из Каргаска приезжали начальники, секретари райкома партии. Я их тоже лично знала, часто меня выбирали депутатом в поселке. Но я сказала, в партию я не пойду.

00:49:02

Как мама относилась к Сталину?

Мама всегда говорила, что виноват в нашей депортации Берия. А Сталин хороший. Я правильно поняла, как к Сталину?

00:49:16

Как она к нему относилась?

Вот, она так и говорила: «Это Берия проклятый нас сюда выслал. А Сталин, он хороший. Он не мог этого сделать». Я ее переубедить до последнего дня не могла.

00:49:30

То есть когда вынесли Сталина из мавзолея, когда начинается развенчание культа личности, она считала, что это неправильно?

Нет.

00:49:41

Как она к Хрущеву относилась?

Ну знаете, как-то я не спрашивала. Но я знаю, что нам же нужно было, держали корову, нужно было отдавать масло, яйца и так далее. Всё равно платили налоги какие-то. Когда мы еще после папы в Калганаке держали корову, а потом переехали в Тевриз, в 1963 году уже всё, мы ничего не держали. Поэтому как-то я не помню, чтобы мы платили тут налог. И уже когда она вышла за русского замуж, мы тогда опять завели хозяйство. Но уже налоги не платили. Поэтому, единственное, мы понимали, мы же когда приехали, привезли кукурузу, а она не поспела здесь. И вот это кукурузное дело когда началось, она всегда смеялась: «Да уже пробовали мы посеять тут кукурузу». Вот единственное, что помню. Она работала, когда мы одни остались, в пекарне. Понятно, что школа была отцовская, поэтому хлеб всегда тоже был хороший. И потом работала поваром в леспромхозе. Она уезжала рано утром на деляны. Нужно было готовить лесозаготовителям обед. Приезжала вечером, нужно было опять купить продукты на завтра. Нужно было сделать заготовки. Поэтому всё опять было всегда на мне: приготовить ужин, подоить корову, убратся. Потому что ее тяжелая работа там, и на завтра нужно подготовиться, и опять лес, и опять холод. И действительно, условия были ужасные всегда. Когда приезжаешь туда... Вот верхний склад — это там, где идут лесозаготовки, то есть валят лес. А нижний склад — это уже лес вывезли оттуда, из тайги, и здесь идет раскряжевка. То есть ее разделявают на карандаш, на шпалы, на дрова что идет, маркируют этот лес. Поэтому мы знали, какой тяжелый труд. И нужно приехать в этот холодный блок, пока он нагреется. Там тепло, пока печка топится. Как только печка остыла, всё напрочь замерзает. Естественно, жалели. Поэтому мы никогда не говорили «я этого делать не буду», и все знали свои обязанности.

00:52:19

Были ли вы реабилитированы, была ли мама реабилитирована?

Ну, это целая эпопея. В 1991 году, когда вышел указ о реабилитации, мы все ринулись сюда. В том числе и я. А я в 1991 году лежала здесь в больнице, в Томске. И поэтому... Тогда работал Вальтер в информационном центре. Я туда к нему и пришла. И говорю, что мы были депортированы. Ну, а так как фамилии все эти нерусские, он говорит: «Я принесу тебе дела, а ты там выбирай своих». И приносит пачку этих дел, и я начинаю выписывать. Наряду с

нашими, все бабушки и всех своих знакомых, я всё это выписываю, выписываю. И уезжаю домой, спокойная, что всё, теперь нас реабилитируют. Нас реабилитировали в 2002 году, 11 лет добивалась реабилитации. То есть отказал прокурор. Никакой реабилитации. Я не знаю почему. Я считаю, это был просто человеческий фактор. Знаете, когда вот упрется — и всё. Нет. Я приезжаю оттуда, из Каргасокского района, прихожу в информационный центр. Они меня не пускают. Они говорят: «Вот там почтовый ящик, вот ваше письмо туда, заявление, и сбросьте». А я упрямо стою. Я приехала в такую даль. Я бы так же могла и там отправить. «Нет, вы меня пустите». Вы знаете, кто мне помогал? Тренин. Борис Павлович Тренин. Он тогда работал здесь. Я к нему вынуждена была обратиться: «Помогите мне добраться до этого информационного центра». И бесполезно всё равно. «Пишите Шеварднадзе». Я писала Шеварднадзе, описывала всё это, отправляла копии. Шеварднадзе говорит: «Я тут вообще ни при чем». [Отправил] к генеральному прокурору Грузии. Я пишу туда. И оттуда ничего. Я пишу в Москву. И опять ничего. В 2001 году я пишу Устинову. И уже в 2002 году приходит справка о реабилитации мамы и сестры, и меня. Вот в 2002 году, мне исполнилось 50 лет, я была реабилитирована.

00:54:40

Вопрос. Они не могли подтвердить депортацию? Или они отказывали в том, что эта депортация была незаконна?

Нет. О том, что она была незаконна, речи не было, потому что не наша одна семья, там более тысячи было отправлено депортированных. И мы же общаемся до сих пор. Некоторые еще живы, в Новом Васюгане и тут в Томске есть. И вот просто я еще раз говорю: возможно это был человеческий фактор. Просто не хотели — и всё. Нет. Почему нет? Я не знаю, но нас не реабилитировали, в то время как реабилитировали мамину вот эту маленькую сестренку, я говорила, трехлетнюю, которая горох воровала. Ее реабилитировали. Нас нет.

00:55:38

Что дала вам вот эта реабилитация, помимо, собственно, какого-то торжества справедливости? Это была какая-то денежная компенсация или что?

Ох, нет, абсолютно ничего. Мы ни копейки не получили. И мы и не спрашивали и не просили. И нам этого не нужно было. Просто вот это вот пятно, это клеймо, что ты депортированный. И всего лишь, знаете, я когда поступила в Колпашево учиться... Приезжаю, такая необычная девушка 17... 16 лет. И все на меня в группе приходили смотрели как на слона: что это за диво тут появилось. И завуч — я помню его фамилию, Синдилов, уже пожилой дядечка — почему-то он всё время со мной беседовал. И я говорю: «Синдилов прямо ко мне равнодушен. Он всё время меня приглашает и интересуется: какой я национальности, откуда мои родители, чем занимались и так далее, и так далее». И каждый месяц, и через месяц я буквально у него опять в кабинете. И он опять меня расспрашивает всё одно и то же. Это был 1968-й, 1970 год. Да? И что меня каждый месяц спрашивать об одном и том? Зачем? С какой целью? Никаких притязаний абсолютно. Ну, пожилой мужчина, тогда этого не было, как сейчас, разврата, поэтому совершенно ничего. Вот просто он всегда меня расспрашивал. И я опять иду к нему, и мы с ним долго беседуем. Это была проверка или что? Я же когда поступала, я писала автобиографию. И я пишу, естественно, что мы депортированы оттуда и так далее. Я всё пишу, правду. Я всегда говорила правду. Ну вот так.

00:57:43

Такой вопрос. Были ли отец с матерью верующими людьми или нет?

Простите?

00:57:49

Верующими. Были ли они верующими или нет?

Ну знаете, наверное, тогда все были верующие. Я знаю, что у нас, вот мы же жили здесь уже, поэтому у нас всегда иконы были, конечно же, наши, русские, православные. Бабушка, отца мать, она родилась в Турции, город Хопа. Поэтому вот я приезжаю туда, и интересно, что братья мои двоюродные, у них все крестики на груди православной веры, а, видимо, бабушка всё равно и тому богу, и мусульманскому... Вспоминала и Аллаха тоже. Я знаю, что вот так знакомая немка, она говорит: «Я сначала на немецком языке молюсь, а потом уже на русском языке». Вот так было и с нашей бабушкой. А мама, она именно только нашего Господа Бога вспоминала. Ее иконку я храню до сих пор.

00:58:58

Крещены ли вы?

Ну я крестилась, мне было 60 лет.

00:59:04

Вот в этом поселке, где живут только ссыльные, как-то происходят тайные или явные богослужения? Есть ли там церковь или как-то празднуются эти религиозные праздники? Или нет?

Все праздники у всех были одинаковые. Если у немцев Рождество, то и мы отмечаем с ними праздник. То есть мы ходим к ним и также дома. Мы 25-го не ставили декабря елку, но знали, что праздник сегодня у немцев, потому что у нас дядя Ваня Бауэр немец и в классе одноклассники мои, и Шульцы, и... Много было немцев. Поэтому, в общем-то, никто не дразнился и не говорил, что «ах, у вас какой-то там праздник». Мы и сейчас... С маминой стороны, я сказала, мусульмане. Вот смотрите, 2017 год, мы приезжаем в Абхазию и вдруг слышим: они отмечают какой-то Байрам, праздник, и нужно купить барана, и нужно сварить и угощать бедных и так далее. Я говорю: «Я не поняла, причем здесь баран вообще и какое отношение?» — «Так мы мусульмане». Ну, здравствуйте, вы мусульмане, а мы православные. И вот Пасху мы отмечаем, и я думаю: поздравлять их или нет? Они мне оттуда звонят по «Ватсапу», значит, мы общаемся, и бабушка моя, мусульманка, держит вот это красное яйцо и празднует Пасху нашу. Вот и всё. Поэтому мы и здесь отмечали все праздники вместе.

01:00:47

Выходите ли вы замуж, есть ли у вас дети?

Ну да, конечно, первое мое замужество, я вышла за татарина замуж. Мы прожили, у нас была дочь, она умерла, и потом мы разошлись. Со вторым живу вот 39 лет, русский, детей общих нет у нас. Он, у него был брак до меня, девочка там, практически она ровесница моей дочери. И у меня, значит, я когда разошлась, осталась беременная и родила ребенка, я сама воспитывала ее. Вот мы с ним живем, ну, нормально живем, в смысле и дети наши общаются, и никакого различия нет. В одном поселке жили.

01:01:36

Вы говорите, что вы ощущаете себя русским человеком. Вот в 1991 году, когда развалился Советский Союз, для вас это радостное событие или нет?

Это была трагедия. Это был такой скандал у нас на работе, в том числе с бывшим моим одноклассником, а он был секретарем парторганизации в деревне. Я говорю: «Как ты можешь голосовать за развал Советского Союза, когда ты представляешь, что сейчас мы все смешанные браки, и теперь все разойдутся по своим республикам, как и произошло, да? И мы не сможем ни поехать ни на Украину к родственнику, ни в Грузию, и так далее, и так далее». И действительно, мы 30 лет не были потом в Грузии. И там была нищета, и там был голод, и там сидели без света и без хлеба. Точно так же, как и у нас. И не было связи, и письма не доходили. И это была страшная трагедия. И я была против развала Советского Союза.

01:02:46

В 1960-е, 1970-е, 1980-е годы сталкиваетесь ли вы с диссидентами? Читаете ли вы какой-нибудь самиздат или «Тамиздат»? Вообще, вот это направление, которое не разваливает Советский Союз, как-то в вашей жизни было?

К нам в леспромхоз всегда присылали заключенных, бывших зеков. Вот тех же женщин древнейшей профессии. Я рассказываю про остров смерти и тут же вспоминаю свою, которую прислали сюда именно за ее эту работу в леспромхоз. И когда некоторых присылали, говорили: «Вы с ними не общайтесь». В 1986 году у нас в деревне появился молодой человек. Ну, выпивал, конечно. Но такой начитанный был парень. И мы не могли понять, почему он живет вот здесь, а не в Москве. В Москве у него была квартира. Родителей уже у него не было, и никогда он не говорил, где его родители. Но мы с ним просто... Рядом с моим домом было общежитие. И, конечно, мужики порой приходили: «Света, дай нам это покушать или то», вот с мужем мы жили уже. Ну, а я, значит, никогда не отказывала. В общем-то, всё хорошо было. И он предлагал: «Переезжайте в Москву. У меня там квартира, у меня там бабушка. Я вот перепису — именно на меня, — перепису на тебя, Света. Будете жить в большой квартире. А тем более что ты...» У меня дома своя была библиотека. И он, видя всё это, хотел нам подарить. Говорит: «Литературы там море. Я туда поехать не могу». Тогда он ничего мне не сказал. Мы просто знали: ну, Лунёв да Лунёв. И кто такой Лунёв? И почему он не переезжает обратно туда в Москву? И, естественно, для меня это было, знаете, ну, как это я могу принять такой подарок и мы уедем туда? Я сказала: «Нет. Я туда не поеду, и мне это не нужно». Так вот, тогда он как

раз и читал, читал стихи этих запрещенных, Высоцкого этого, Булата Окуджавы и Галича, и так далее. Начитан был. Я потом уже, когда сюда попала... Слово «диссидент» мы знали. Самиздат тоже знали. Но я никогда не думала, что это вот действительно сами распечатывали. Понимаете, у нас интернет появился в деревне в 2004 году. Телевизор мы увидели только в 1980-м. Поэтому, ну, глухая деревня практически. И понятно, что мы знали про Сахарова, мы знали про Солженицына. И в принципе, «не говорите о них вслух, это враги наши» и так далее, и так далее. И литература была запрещенная. Но я подозреваю, что вот этот Лунёв как раз и был тем диссидентом. И был отправлен сюда, потому что что его могло держать здесь, в общежитии? Вот среди всех этих людей он жил в общежитии, среди всех пьющих и так далее, и так далее. Когда в Москве вот такая квартира, обеспеченные люди, а он мне предлагает это подарить.

01:06:42

Вы помните, как его звали?

Да, Леонид. Лёмпик мы его все звали.

01:06:47

Может, вы помните его отчество? Ну, на всякий случай.

Отчество? Нет.

01:06:51

Можно проверить

Не знаю.

01:06:54

И москвич?

Да.

01:06:56

Формально, я закончила свою интервью. Есть ли что-то, о чем я не спросила, а вам было бы интересно рассказать? Просто я не знаю каких-то деталей, а вам кажется, что зрителю важно было бы узнать. Или про ссыльных, или что-то, чего мы не коснулись в интервью.

Знаете, было большим вопросом что? Вот те, которые защищали родину, уходили на фронт, а потом становились врагами. Вот это была, это была большая тема. Мы приехали в Абхазию в 1980 году, и вот мой этот дядя рассказывает, что он участвовал на фронте, воевал в Сталинградском направлении, он мне показывает свою раненую ногу. Он всегда ходил, ее немножко выбрасывал так вот вперед. И видели, ну, красавец вообще. Мы его так любили, такой характер! И мама говорила, когда его привезли в Томск, он сорвал с груди свои награды и бросил в лицо коменданту, когда их сажали на баржу и повезли дальше. Вот до Томска они доехали еще как-то, ну вроде Томск — город, а дальше их грузят на баржу. И для него это было не только страхом неизвестности, а оскорблением, что его, участника Великой Отечественной войны, как скот, грузят вот в эту баржу, битком набитую, и отправляют дальше в ссылку вообще неизвестно куда. И все эти годы, конечно же, никогда ни на праздниках, ничего, я не могла его найти. Я перерыла все списки этих ушедших на фронт. И самое что интересное, вот пошелонные списки я нашла в Абхазии. После грузино-абхазской войны 1992 года архив был разгромлен в Сухуме. И большей частью документы грузины вывезли туда в Грузию. И я когда приехала, говорю: вот так и вот так. Единственное, что осталось, это были пошелонные списки. То есть в них я нашла тех, которых вывозили из Абхазии. В том числе и наш дядя Шефик. Так вот у него фамилия там была одна с его матерью, а в Сибирь приехали, у него фамилия уже другая. Понимаете, одну букву всего лишь убрали — и всё, и человек другой. И я ничего найти не могу. Ни там, ни там. А дальше фамилии нерусские, имена нерусские, поэтому мне дважды пришлось судиться, когда я оформлялась на пенсию, потому что неправильно было написано то фамилия, то отчество. И приходилось... Вот и до сих пор сейчас. Но с его портретом я хожу в «Бессмертный полк» каждый год.

01:09:57

Что значит ваше имя Севилле? По-грузински, что оно значит?

Ну вообще, скорее всего, это имя даже не грузинское, а турецкое. И еще у азербайджанцев

есть имя Севгилим — «любимая». Синдилов мне всегда напевал эту песню, «Севгилим». Он не звал меня Севилле, завуч этот в Колпашево, Севгилим звал всегда меня. А бабушка, ну это в переводе типа «милый», «любимый», «родной», вот так вот. Дословно не знаю. Но, кстати, назвала меня Светланой эстонка. Мама когда ходила беременная, и она говорила: «Надя, родится у тебя девочка, назови ее Светланой. Такое красивое имя». Родилась черный уголек, и меня назвали Светланой. Но бабушка, естественно, сказала: «Нет, у нее имя будет русское...» [То есть] Грузинское. Поэтому называли Севилле, и в паспорте я Севилле. А сестра у меня Лейла. Лейла. Как Лейла называли, так Лейла. Ну там всяко разное называли, конечно, но тем не менее сохранилась ее имя. А меня в большей степени в деревне все звали всегда Светланой. Когда вышла книга, и там написано «Севилле»: «Ох, а мы даже и не знали, что у тебя такое имя». И в школе меня Светланой называли и даже говорили: «Смените свое отчество, потому что дети не выговаривают». Я отказалась, сказала: «Я не могу поменять своего отца». Поэтому Руштыевна я и осталась.

01:11:42

Что это за книга, что вы держите в руках? Можно несколько слов?

Вот сегодня приходила Зарубина, наш Каргасокский район, и мы три учительницы: Зарубина, я и Федорова Татьяна Ивановна. У нас в Каргаске проходила Школа практической истории в 2006 году. Ну и я на периферии жила, Зарубина в Каргаске, Татьяна под Каргаском. Мы приехали на эту конференцию с учениками и создавали проекты. Проекты были разные, в том числе и тунейдцы, и геологи в Сибири, репрессированные и так далее. Из, наверное, я не помню точно, 11 или 9 было проектов, глава администрации выбрал наш проект. Он назывался «Прощение и память». Почему он выбрал наш проект? Потому что он знал Колпашевский Яр, он оттуда родом был. Знал этот разрыв, знал, как ребятишки бегали с этими черепами. И он просто, как он говорил, хотел реабилитировать вот то событие. Потому что тогда, ребенком, он не понимал, что вместе с другими бежал с этими черепами. И тут среди вот этих проектов он выбрал нас. И мы ходили три года по Васюгану и ставили памятные кресты, памятники. Первое, где прошла эта экспедиция, это был Нарым, это был Парабельский район, и оттуда они приехали к нам в Мыльджино, где последние годы я жила. И потом мы, вот именно там были поставлены первые эти кресты. И потом три года они нам оплачивали вот эту экспедицию. Два года мы ходили по Васюгану. А так как от Тевриза до Нового Васюгана огромное расстояние и поселков там нет, всё заросло тайгой, нас в Новый Васюган перевезли на вертолете. То есть это не только мы, это были наши ученики, их было более 30 человек. И мы там жили несколько дней. По реке потом всё-таки мы на паузке двигались уже по течению Васюгана до Айполово. А в Айполово был детский дом и интернат народов севера. А детский дом, где были дети депортированных народов и плюс ленинградские, вывезенные из блокадного Ленинграда. Поэтому мы, конечно, туда и поехали. Там установлен памятный тоже крест, так же, как и в Волково, где в депортации был Вадим Николаевич Макшеев. Он тоже был в нашей Васюганской комендатуре. Его мать и сестренка в один день умерли от голода в Новом Васюгане. Так вот он из Волково нес на плечах, истощенный сам, свою сестренку. И потом рассказывал нам, как плакал, как у него не было сил и с каким трудом они туда дошли. Когда он приходит на второй день, они умерли вместе с матерью. И он остался один. Поэтому вот ходили. А в Новом Васюгане этот памятник был установлен по инициативе Вадима Николаевича Макшеева. Вот поэтому мы вот только в двух поселках. Дальше это было просто, знаете, с ребятишками и опасно даже двигаться по Васюгану. Вот таким образом потом появились воспоминания тех, которых мы встречали людей, ссыльных, репрессированных, депортированных всяких. Их воспоминания вошли. Эта книга одна — «Прощение и память», вторая книга — «Реки печали». Вот это тоже. Так вот, Зарубина и была координатором нашего этого гуманитарного проекта.

01:15:58

У меня возникло два вопроса, если можно. Что это за история, что дети бегали с черепами и бегали ли вы ребенком с черепами?

Нет. Бегали, потому что, когда вымывало вот эти трупы, да, и первые обнаружили это якобы дети, и поэтому в принципе они потом либо пугали друг друга... Но наше детство было такое, мы не боялись. Вы понимаете, мы не боялись эти черепа. У нас в Тевризе вот Киркрай, там были киргизы ссыльные, они вымерли в первый же год, эти киргизы. Дальше был буквально километр расстояния, Нейгольштадт, это были немцы алтайские. Вот Иван Иванович Бауэр как раз там и был. А дальше был поселок Новый Тевриз, опять буквально километра два расстояния. Это были кулаки из Омской области, из Тевризского района. Вымерли вот эти киргизы, потом массово умирали немцы, и оставшихся в живых немцев переселили вот в этот Тевриз. Одних в Тевриз, других в Средний Васюган. И поэтому образовался один поселок Новый Тевриз, это был колхоз. А потом уже в 1960-х годах это был лесозаготовительный участок. И вот мы бегали, говорили, что вот эти могилки, Киркрай звали, где не Нейгольштадт, потом там был аэродром, когда корчевали этот лес и выравнивали территорию аэропорта,

находили, естественно, огромное количество тех захороненных немцев. И точно так же, как в Колпашево, обваливался берег на Васюган, и останки киргизов смывала волна. Так парни, мальчишки-то, они как раз тоже туда бегали. И ходили посмотреть, а вдруг что-то там найдут интересное и так далее. Мы, девчонки-то, конечно, мы туда не лазили. А мальчишки — да, было интересно.

01:18:10

Каргасок — вот такое название, оно что-то значит?

Ну да, «медвежий мыс».

01:18:18

На каком языке?

На хантыйском. Ханты, селькупы, это коренные жители. И вот когда мы говорим о том, что... Кротенко, вот, кстати, Кротенко Любовь Николаевна, да, я подавала телефон Анне. Запомните Кротенко. Я вам покажу ее книгу «Урман» и поселок рабочий, где жила она. И по дневнику своего отца и своим воспоминаниям она написала эту книгу, она живет в Петербурге. Телефон я передала Анне.

01:18:56

И это респондент в Петербурге, петербургский? Прекрасно, хорошо.

И она тогда там говорила о том, что, естественно, ханты уже были предупреждены, что присылают кулаков и это враги советской власти, враги народа. И в том числе, конечно же, они были врагами и этим хантам, потому что нужно было корчевать тайгу, а у них свои охотничьи и рыболовные угодья, а тут пришли незваные гости. Они буквально... Река Нюролька впадает в Васюган. И я писала потом о хантах тоже. И жили там ханты богатые, они торговали с купцами, у них был двухэтажный дом, лошади были и всё. Когда стали нас... Кулаков, кулаков когда в 1930-х годах стали высылать, им пришлось уйти в верховье Нюрольки, бросить всё здесь. И, естественно, одни помогали кулакам, а другие отстреливали их. Вот такие случаи были. Много, конечно, было таких браков, где женщины выходили за хантов замуж, потому что они рыболовы, охотники и можно было выжить благодаря этому. Поэтому и началось смешение народа коренного с вот этими ссыльными кулаками.

01:20:29

Вы сами с хантами как-то пересекались? Какие-то истории у вас?..

Конечно. У меня подруга, она жила в Айполовском детском доме, а мы уже жили в Калгане. И вот я помню это лето, мы на Васюгане, ждем трамвайчик пассажирский. Это было праздником всегда, вся деревня выходила встречать этот трамвайчик. И приехала она. Это было видно сразу, что девочка из интерната, потому что наголо все были они острижены, она в платке и такая ярко-рыжая была. И мы с ней познакомились, и мы привели ее домой к нам. Мы знали ее мать. Ну, вообще, ханты, знаете, очень бедно жили. Она выходила замуж за украинца Аркушенко, поэтому у Ольги этой и фамилия была Аркушенко. Аркушенко, Кучкова по матери. Ну как-то у нас в семье не было разделения: вот это дети начальника, а это дети простого рабочего. Никогда. Наряду с начальством, всегда спал здесь и ямщик, от которого, я говорила, разило этим конским запахом. Отец всегда говорил: «А почему он сидит там на улице, а мы сидим за столом?» Поэтому никогда мы не делили ни на бедных, ни на богатых, ни кто на какой служебной лестнице стоял. Мы привели ее домой, нам было ее жалко, эту девочку, она была что-то плохо одета, и как-то вот мы с ней сдружились. Она сейчас живет в Ростове, мы с ней общаемся до сих пор. Мы потом жили вместе в Тевризе, мы учились в одной школе, потом в Колпашево и так далее. Вот она и была той остячкой, о которых мы говорим ханты либо селькупы. Мы их просто называли остяки.

01:22:33

Как она попала в детский дом?

Потому что бедная семья была, а детские дома были для народов севера. А школы не было, и родители не могли содержать, поэтому всех вот таких отправляли. Там были и немцы, я знаю, вот эта вот тетя Маша Штель, у нее двое детей тоже там жили и обучались. То есть специально был интернат, где была школа. В наших поселках была только начальная школа, с первого по четвертый класс. Всё. Все остальные уезжали туда в интернат.

01:23:11

Ваш первый муж, который татарин, он тоже имеет какую-то историю с

репрессированной семьей?

Нет.

01:23:18

Он случайно оказался?

Да. А вот мой отчим, у него родители тоже были репрессированы, и он воспитывался в детском доме. Вот здесь уже, в Сибири. А сам он с Алтая. И когда... Он всегда, как выпьет, он очень красиво тоже пел, и всегда пел песню, и всегда плакал. И мы эти песни его знали, и песни мы его любили, хотя отношения у нас, так скажем, были не очень хорошие с ним, но тем не менее. Это было давно, [нрзб] примерно назад, и он как запоем — и всё, и действительно такая тяжелая песня. Но Заволокины братья как-то тоже ее исполняли. Поэтому у него такие тоже песни-воспоминания были. Он рассказывал, конечно же, свое голодное детство, и, кстати, своих родителей он не помнил, его воспитывала бабушка, потом детский дом. Вот так.

01:24:20

Мы вас замучили совершенно. Я закончила, теперь уж точно. Но я хотела бы попросить, так как вы не готовы были к интервью сегодня, я вас не просила принести фотографии, всё, что есть, с папой, с мамой, с бабушкой, вообще. Можно ли будет это отсканировать, как-то получить?

Да, конечно.

01:24:38

И эти документы.

У меня, я говорила, вот справка об откреплении от комендатуры мамы есть. Ну вот те справки, которые я выписывала, справка о реабилитации, да? Ну, еще не были реабилитированы, но о реабилитации тоже справка есть, фотографии есть.

01:25:03

Вот не столько даже документы, хотя они очень важны, сколько фотографии.

Да, есть, конечно.

01:25:08

Вашего детства, мамы, папы, вот всё, что есть.

И те, которые в Грузии до депортации, и в Сибири есть, принесу.

01:25:17

Севилле Руштыевна, а вы песни какие-нибудь помните свои детские? На лазском языке.

01:25:23

На лазском не помню. Вообще, когда у нас...

01:25:27

Что-нибудь сможете спеть?

01:25:28

Ну-ну-ну, вы видите, как я говорю? У меня голоса абсолютно нет. Когда мама умирала, она потеряла память, она меня не признавала и вот перед смертью пришла в себя. И мы, значит, собрались около нее, сестра, я, ее сестра. Она говорит: «Девочки, давайте споем наши песни». И поет на мегрельском языке. А мы вместе с сестрой тоже поем. Она говорит: «А вы-то откуда эту песню знаете?» — «Мама, ты всю жизнь пела, и мы с тобой пели». Она поет на турецком языке, и мы турецкий язык абсолютно не знаем. В Турцию приезжаем, они все видят, они говорят: «Сейчас переезжайте в Турцию, лазам такие привилегии, вам там обеспечат». Мы в 2019 году были в Турции, отдыхали. Не-не-не, у нас Сибирь своя есть. Поэтому, понимаете, не

зная языка, зная только песни, вот мы и пели, и плакали. Но я не могу сейчас петь, к сожалению. Я найду запись моей мамы. Я записывала ее песню, говорю: «Мам, мне нужно для проекта». И потом она заболела, и уже после... Я ее сначала включала, долго плакала, потом решила: не буду. Но она где-то у меня есть на диске, я найду ее. Я найду и принесу.

01:26:54

Ну чуть-чуть напойте, раз уж оператор сказал, я знаю, что это должно быть.

[Поет] [ин. яз.]

01:27:53

Браво!

Ну на русском, это типа перевода: «Что в пути со мной только мрак ночной, только жар дневной, только хлеб сухой». Ну и там типа, что он где-то в пути и перед ним всё время ее глаза. Вот [ин. яз.] — «твои черные глаза». Вот такой перевод.

01:28:28

Слушайте, ну так хорошо! А спойте еще, еще одну, пожалуйста.

[ин. яз.] Ну не знаю, знаете вы или нет. «Ох, Светлана-светлячок, манит взоры твой полет. Твой далекий огонек мне покоя не дает». Ну и так далее.

01:29:44

Браво! Спасибо вам!